

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-31

ВЛИЯНИЕ ЖАНРА АНТИЧНОЙ БИОГРАФИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ РОМАНА

© 2017 г.

Е.К. Агапитова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

ithaelin@mail.ru

Поступила в редакцию 19.02.2016

Анализируется влияние на формирование жанра романа традиции античной биографической литературы, в особенности творчества Плутарха – классика жанра и основателя современного понимания биографии. Делается вывод, что античная биография в лице своего самого значимого представителя – Плутарха – оказала существенное влияние на формирование жанра романа, и не только в его исторической и биографической разновидности, хотя в них это заметно в большей степени. Поскольку излюбленным героем биографий (как дошедших до нас, так и несохранившихся) являлся Александр Македонский, в качестве примера мы выбрали роман И.А. Ефремова «Таис Афинская», в основу которого лег эпизод из жизни полководца, подтвержденный античными историками.

Ключевые слова: жанры, роман, биография, Плутарх, И.А. Ефремов, Александр Македонский.

О романе как жанре, его происхождении, становлении и развитии в течение последних веков было написано довольно много. Эта тема не перестает интересовать исследователей, которые так и не пришли в итоге к единому мнению. Правда, эти разнообразные точки зрения вполне мирно сосуществуют друг с другом, поскольку каждая работа не претендует на единственно верную, а дополняет общую мозаичную картину.

Фактически все исследователи соглашаются, что в основу романа (а шире – всей повествовательной поэзии) легли эпические предания мифического или героического характера [1, с. 68], то есть применительно к европейской литературе в первую очередь «Илиада», «Одиссея» и «Энеида» (кельтские предания артуровского цикла имели в основном влияние тематически-образное, а не жанрово-композиционное). Эта идея получает теоретическое обоснование в трудах Хюэта (Huet), прежде всего в его известной книге *De l'origine des Romains* (Paris, 1670). Хотя, конечно, первые попытки теоретического осмысления поэтики начинаются еще с греческой мифологии, где распределение литературных форм среди муз «указывает на известную теоретическую мысль» [2, с. 837] (таким образом были обозначены как отдельные жанры эпическая и лирическая поэзия, трагедия и комедия, гимны и хоровое пение). Ученик и последователь Хюэта Шпильгаген постоянно и

многократно ссылается на Гомера по поводу того или другого вопроса, поднятого теорией романа. Более подробное описание взглядов Шпильгагена можно найти в работах А.Н. Веселовского [3, с. 19], который сомневается в жанровом положении романа. Недаром его статья носит название «История или теория романа?», и в ней он эмоционально восклицает: «Гомер мыслим ли в положении романиста, не перестав быть Гомером?» [3, с. 16]. При всем при этом он ни в коем случае не отрицает значимость эпоса для прозы. Даже если возникают расхождения в понимании вектора развития: «эпос снизошел до романов» [4, с. 144] или эпос «развился исторически в роман» [5, с. 287] – это не отменяет общего признания первичности эпоса и его значимости, в первую очередь для формирования повествовательной литературы.

Признавая эту первичность эпоса, исследователи обращают внимание на другие жанры, приведшие к формированию привычной нам системы современного романа. Некоторые утверждения, например мысль известного шекспироведа рубежа XIX–XX вв. Н. Стороженко о несомненно существующей связи «между романом с одной стороны и элегией с другой» [1, с. 68], кажутся на первый взгляд неочевидными. Однако, например, мысль о влиянии на роман итальянской

новеллы [3, с. 13] или биографии не вызывает никаких сомнений.

Биографическая составляющая в жанровой структуре романа отмечалась исследователями многократно [6–9]. Можно сказать, что это утверждение стало общим местом, не требующим дополнительного доказательства. Наиболее точно суть такого подхода сформулировал О. Мандельштам: «...мера романа – человеческая биография или система биографий» [7, с. 203]. Бывают случаи, когда автор напрямую не говорит о жанровой преемственности [10, с. 10], но тогда простое расположение рядом имен Плутарха и Л.Н. Толстого [10, с. 10, 66] указывает на подсознательное понимание их родства. Даже если исследователи занимаются исключительно биографическим жанром и не думают ни о каких его связях с жанром романа, при попытке определить предмет, цели и задачи биографии они приходят к роману. Г.О. Винокур в своем труде «Биография и культура» пишет, что материалом для внешней формы биографии становятся «разрозненные, пестрые и случайные наблюдения, которые только в дальнейших, более глубоко залегающих пластах нашей структуры получают свой смысл и значение. Это именно то, что в личной жизни “случается” или “приключается”. Это приключения в точном смысле слова: герой биографии появляется на свет, учится, путешествует, женится, воюет, пишет стихи или лепит статуи и т. п., и т. п.» [11, с. 33]. Собственно, если к биографическому материалу мы добавим «приключения», т. е. фабулу, как раз и получится классическое определение романа. Ведь А.Н. Веселовский говорит, что задача романиста – представить изображение «известной жизненной полосы в образах и действиях измышленных им лиц, исполненных бытовой и психологической правды» [3, с. 14]. А чем иным мы можем назвать правдивое изображение жизни и действий лиц, кроме как «жизнеописанием», то есть биографией? Ведь по определению О. Мандельштама роман – это «композиционно замкнутое, протяженное и законченное в себе повествование о судьбе одного лица или целой группы лиц» [7, с. 201]. Без моралистико-биографического импульса такое явление невозможно [6, с. 653]. «Принцесса Клевская», «Манон Леско», «Том Джонс», «Вертер», «Дэвид Копперфильд», «Красное и черное», «Шагреневая кожа», «Мадам Бовари», «Евгений Онегин», «Анна Каренина», «Жан-Кристоф», «Доктор Живаго», «Спартак», «Таис Афинская» – список романов-биографий легко можно продолжить: каждая страна и каждая эпоха дали нам огромное количество разнообразнейшего материала.

Говоря о влиянии биографии, имеют в виду в первую очередь, конечно, Плутарха [8, с. 202; 12, с. 430], поскольку тексты его предшественников почти полностью утрачены [10, с. 9, 159], а его последователи сами находились под таким обаянием его творчества, что с XVIII в. в европейской литературе особой популярностью пользовались сборники с говорящими названиями: «Французский Плутарх», «Немецкий Плутарх», «Плутарх для дам». Став классиком жанра, Плутарх в своих «Параллельных жизнеописаниях» достаточно серьезно изменил и метод, и композицию, и даже содержание, характерные для эллинистической биографии.

Рассмотрим кратко эти различия.

Во-первых, до Плутарха излюбленными героями биографий (а именно о героях недошедших произведений мы можем судить очень точно, так как названия-то до нас дошли) в большинстве случаев были либо профессиональные деятели духовной культуры, либо такие политические деятели, которые «не укладываются в рамки полисного «благозакония»: монархи, тираны, политические аутсайдеры и авантюристы (типа Алкивиада)» [10, с. 164] и вообще всяческие «чудаки». Плутарх занимается описанием жизни политических деятелей. Даже в своих биографиях Цицерона и Демосфена он не касается их ораторского искусства, а говорит в первую очередь об их политической деятельности: «мы будем изучать и сопоставлять по их поступкам и государственной деятельности, но сравнивать речи, чтобы решить, кто из них говорил внушительнее или приятнее, не беремся» [13, с. 497].

Во-вторых, он фактически создал новый поджанр биографии: к двум имеющимся видам биографий – фактографической гипомнематической и риторической эпидейктической [10, с. 120–121] – Плутарх добавил моралистико-психологический этюд, таким образом введя биографию в контекст популярно-философской литературы. Он сам обозначил это направление во вступлении к жизнеописаниям Александра и Цезаря, отмежевываясь от монументальной историографии в пользу психологии: *Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов* [13, с. 361–362].

Таким образом, Плутарх отказался от скрупулезного собирания сплетен и анекдотов, чем грешили его предшественники, зато

обратил внимание на психологию героя, его характер и стал подбирать материал, наиболее полно их иллюстрирующий. Несмотря на то что в античности личность воспринималась статичной [14, с. 238] и никогда не был в центре внимания процесс становления этой личности, Плутарх дает настолько яркие и пластические образы героев, что остается всего один шаг до романной психологии становления. (Правда, этот шаг сделали уже в позднейшей литературе.) При этом Плутарх так группирует факты своих жизнеописаний, что достигает в рассказе подлинного драматизма. Недаром Шекспир создавал «Кориолана», «Юлия Цезаря» и «Антония и Клеопатру», используя соответствующие биографии Плутарха [6, с. 653; 15, с. 245–246], и ему очень немного пришлось изменить в драматической группировке фактов источника при инсценировке. Г.О. Винокур, говоря о современном состоянии биографии, отмечает что «исторический факт (событие и т. п.), для того чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит данной личностью. Переживание и есть та новая форма, в которую отливается анализируемое нами отношение между историей и личностью: становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл, – так может быть сформулирован этот новый шаг в глубь биографической структуры» [11, с. 44]. И опять мы подходим к тому, что биография в «переживании», в психологии, есть неотъемлемая часть романа *sine qua non*.

Недаром писатели так легко от романов в целом переходят к биографическим романам, а потом и просто к биографиям. Достаточно вспомнить «Смерть Вазир-Мухтара», роман о Грибоедове, и «Пушкин» Ю. Тынянова. Исследователи все больше внимания уделяют биографии писателя как фактору поэтики. Тут можно вспомнить Ю. Лотмана, который начал со строгой опоры на текст, но уже в своих комментариях к «Евгению Онегину» огромное внимание уделяет не только биографии А.С. Пушкина, но и его героев, «вычисляя» год рождения Онегина, Татьяны и Ленского. И необходимо обратить внимание на то, что буквально второе рождение сейчас переживает знаменитая серия ЖЗЛ. Вообще, XX век стал благодатным полем для расцвета биографического жанра. Так, огромный интерес к жизнеописаниям привел известного русского психолога Н. Рыбникова к мысли об организации Биографического института [16, с. 42].

Благодаря интересу к биографиям, зачастую из какого-то сравнительно небольшого жизненного факта под пером писателя рождались целые эпопеи. И источником этих фактов очень часто слу-

жили жизнеописания Плутарха. Так, из его небольшой ремарки о Спартаке в «Крассе», отмечающей удивительную для варвара мягкость и образованность вождя гладиаторов, вырос любимый многими роман Джованьоли «Спартак»: *Первым из них был Спартак, фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени* [13, § 8, с. 42].

Из краткого эпизода в жизнеописании Александра Македонского вырос роман замечательного советского писателя И.А. Ефремова «Таис Афинская». Вообще, с древнейших времен и до наших дней жизнь и деятельность Александра Великого были предметом различных исследований, как историко-биографических, так и художественно-литературных. С.С. Аверинцев утверждает, что «яркая личность Александра Македонского сыграла для истории греческой биографии примерно такую же роль, какую для истории греческого скульптурного портрета» [6, с. 640], то есть послужила для образования принципиально нового направления в искусстве. Точно так же в XIX в., по мнению О.Э. Мандельштама, «вокруг биографии Наполеона образовался целый вихрь подражательных маленьких биографий» [7, с. 202]. Поэтому совершенно неудивительно желание И.А. Ефремова, при его трепетном интересе к Древней Элладе и глубоком знании предмета, сделать великого полководца одним из главных героев своего «античного» романа. Поскольку речь все-таки идет о романе, появление женской фигуры вполне естественно, в особенности такой знаковой и противоречивой фигуры, как Таис (в традиционной транскрипции правильнее использовать ‘Фаида’, как мы говорим ‘Артемиде’, а не ‘Артемис’). Вот что пишет сам И.А. Ефремов в первых строках вступления к роману: «роман «Таис Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполиса – одной из столиц персидского царства – знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского» [17, с. 5]. Иван Антонович, оставаясь ученым даже при написании своих художественных произведений, тщательно проанализировал доступные ему источники (а доступно ему было достаточно много, поскольку писатель прекрасно знал английский язык) и дал им краткий анализ во вступительном слове «От автора», предваряющем роман. Сейчас нам нет необходимости разбирать мнения И.А. Ефремова о монографиях, посвященных жизни и дея-

тельности Александра Великого. Мнение таких известных историков, как В. Тарн, М. Уилер, Г. Лэмб, А. Боннар, автор конспективно изложил на первой странице предисловия. Хочется обратить внимание на прямую отсылку к античным источникам: «нет оснований сомневаться в правдивости Плутарха, Арриана, Диодора и других древних авторов» [17, с. 5]. Собственно, нас интересует именно это упоминание Плутарха. Искомый эпизод занимает в жизнеописании Александра не так уж много места: 38. *Однажды, перед тем как снова пуститься в погоню за Дарием, Александр пировал и веселился с друзьями. В общем веселье вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Фаида, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея. То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решила произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Фаида сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам за Грецию лучше, чем знаменитые предводители войска и флота. Слова эти были встречены гулом одобрения и громкими рукоплесканиями. Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места и с венком на голове и с факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью сбегались, неся в руках факелы, и другие македоняне, узнавшие о происшедшем* [13, § 38, с. 400–401].

А теперь посмотрим на этот эпизод в интерпретации И.А. Ефремова:

Гетера начала со слов благодарности Александру за приглашение, Птолемею и Леонтиску за помощь в странствовании и за чудесного коня. Этот конь дал ей возможность не только проехать десять тысяч стадий через страны Сирии и Финикии до Вавилона, но и единственной из эллинских женщин совершить поход в пять тысяч стадий до Персеполиса.

<...> – Завтра вы уходите на север, оставляя в неприкосновенности обиталище сокрушенной вами деспотии! Неужели я одна

ношу в своем сердце пожарище Афин? А мучения пленных эллинов, длившиеся до сих пор, слезы матерей, хотя бы это и было восемьдесят лет назад?! Неужели божественный Александр нашел удовольствие усесться на троне разорителя Элады, будто слуга, забравшийся в покои господина?

Голос афинянки, высокий и звенящий, хлестнул словами, как бичом. Александр вскочил будто ужаленный. Люди оцепенели.

<...> – Что же ты хочешь, афинянка? – спросил царь таким львиным рыком, что закаленные воины вздрогнули.

<...> – Огня! – звонко крикнула она на весь зал.

<...> Александр повернулся и повел вдоль стен Таис за руку. Два факела мгновенно подождгли занавеси на окнах, подвески и шнуры, легкие деревянные переплеты для цветов.

<...> Безумие разрушения охватило сподвижников Александра. С воплями восторга и боевыми кликами воины хватили факелы и разбежались по дворцам, поджигая все, разбивая лампы, опрокидывая чаши с горящим жиром и маслом [18, с. 301–303].

Если мы сравним получившуюся литературную обработку с краткими и совершенно неэмоциональными описаниями Диодора Сицилийского [19, кн. 17, § 72, 2–6] и в особенности Арриана [20, кн. 3, § 18, 10–12], то станет совершенно ясно, что И.А. Ефремов опирался именно на Плутарха, поскольку в «Таис Афинской» воспроизводится «сценарий» известнейшего из греческих биографов.

Зато источником другого эпизода – встречи с искалеченными греческими пленниками – является «Историческая библиотека» Диодора, причем с дословными цитатами, в особенности когда дело дошло до точных цифр. Впрочем, дословное цитирование научного труда является характерным для И.А. Ефремова. В «Таис Афинской» достаточно легко заметить цитаты и даже краткий пересказ классического труда Р. Грейвса «Белая богиня», что помогает создавать и поддерживать литературную достоверность и внутреннюю реальность описываемого мира. Для большей наглядности сравним тексты романа и источника (для удобства восприятия дословные цитаты выделены жирным шрифтом). Вот отрывок из текста Диодора:

69. Дальше на пути они увидели страшное и необычайное зрелище, внушившее ненависть к палачам и наполнившее сердца жалостью и состраданием к жертвам, которые потерпели увечья неизлечимые. (3) Навстречу царю шло с ветвями умоляющих около восьмисот эллинов, которых предшественники Дария выгнали из их жилищ. Большинство из них были людьми

старыми, и все они были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей и без носа. (4) Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только те члены тела, которые были потребны для работы: все остальные отрубили. Все, глядя на их почтенный возраст и на их увечья, исполнились сострадания к несчастным; особенно жалел их Александр: не смог даже удержать слез. (5) Все разом стали кричать и просить Александра помочь им в их несчастьях; царь подозвал главарей этой толпы, отнёсся к ним с уважением, достойным его великодушия, и пообещал всячески позаботиться об их возвращении домой. (6) Они, собравшись вместе и посоветовавшись, сказали, что предпочитают не возвращаться домой, а остаться здесь. Вернувшись на родину, они рассеются маленькими кучками и, бродя по городам, обречены терпеть насмешки над жестокой обидой, которую нанесла им судьба; живя вместе, терпя одинаковое несчастье, они будут утешаться в своей беде такой же бедой соседа. (7) При следующей встрече с Александром они, объяснив своё решение, попросили его помочь им в домашнем устройстве. (8) Александр согласился с ними, выдал каждому **по три тысячи драхм, по пять одежд мужских и женских, по две пары волов, по пятьдесят овец и по пятьдесят медимнов пшеницы**, освободил от всех царских податей и приказал правителям следить за тем, чтобы никто их не обижал [19, кн. 17, § 69].

А вот текст «Таис Афинской»:

На рассвете в нескольких часах пути от Персеполиса македонцы увидели на дороге огромную толпу. Пожилые люди с зелеными ветками – в знак мира и преклонения – шли им навстречу. Это были эллины, захваченные в плен или уведённые обманом для работы в столице Персии. Искусные ремесленники и художники, они все без исключения были жестоко и намеренно искалечены: у кого отрублены ступни, у других кисти левых рук, у третьих обрезаны носы или уши. Калечили людей с расчетом, чтобы они могли выполнять работу по своему умению, но не могли бежать на родину в столь жалком или устрашающем виде.

У Александра навернулись слезы негодования. А когда калеки, упав перед его конем, стали просить о помощи, Александр спешил. Подозвав к себе нескольких безносых предводителей толпы, он сказал, что поможет им возвратиться домой. Вожаки посоветовались и, вновь подойдя к терпеливо ожидавшему их Александру, стали просить о позволении не возвращаться на родину, где они будут предметом насмешек и жалости, а

поселиться всем вместе по их выбору. Александр одобрил их решение, велел им идти навстречу главным обозам Пармения и далее в Сузу, где каждому выдадут **по три тысячи драхм, по пяти одежд, по две запряжки волов, по пятьдесят овец и пятьдесят мер пшеницы**. Со счастливыми криками, славя царя, калеки двинулись дальше [18, с. 280–281].

Легко заметить, что при литературной обработке И.А. Ефремов только выправил текст Диодора, придав ему больше логичности и психологической обоснованности, и заменил пару специфических терминов.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что при написании исторического романа И.А. Ефремов опирался на античные источники, учитывая всё находящееся в доступности, но, в первую очередь, на жизнеописание Александра, данное Плутархом, поскольку именно у него писатель позаимствовал дополнительные детали (змеи Олимпиады, матери Александра [13, § 2, с. 362], шкатулка Аристотеля и описание острова Фарос [13, § 26, с. 387]). Так же именно описание Плутарха оказали заметное влияние на композиционное решение эпизодов и эмоциональную оценку событий.

Итак, античная биография, в лице своего самого значимого представителя – Плутарха – оказала существенное влияние на формирование жанра романа, и не только в его исторической и биографической разновидности, хотя в них это заметно в большей степени. В особенности это проявляется, если героем становится такая значимая личность, как Александр Македонский, чьи деяния оказали фактически жанрообразующее влияние на античную биографию, поскольку представить этот жанр без историй о великом полководце уже невозможно. Именно поэтому нами был рассмотрено произведение советского писателя И.А. Ефремова «Таис Афинская» – приключенческий роман, основой которого является эпизод, подтвержденный античными историками.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Античные жанры в развитии русской литературы XVIII – XIX вв.» (проект № 13-04-00250а).

Список литературы

1. Стороженко Н.И. Роман // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 53 (27). С. 68–71.
2. Горнфельд А.Г. Поэтика // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 48 (24А). С. 837–844.
3. Веселовский А.Н. История или теория романа? // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 3–22.

4. Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души // К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Литературная критика. М., 1982. 384 с.

5. Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя:

Похождения Чичикова, или Мертвые души // В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1904.

Т. 7.

«Отечественные записки» 1842 года. С. 286–292.

6. Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или Счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М., 1994. Т. 1. С. 637–653.

7. Мандельштам О.Э. Конец романа // О.Э. Мандельштам. Сочинения: В 2 т. / Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер; Коммент. П. Нерлера. М., 1990. Т. 2. Проза. С. 201–205.

8. Дилите Д. Античная литература. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003. 488 с.

9. Шамшин Л.Б. Биография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/057.htm> (дата обращения: 11.04.2015).

10. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973. 280 с.

11. Винокур Г.О. Биография и культура // Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 17–88.

References

1. Storozhenko N.I. Roman // Ehnciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. SPb., 1890–1907. Т. 53 (27). S. 68–71.

2. Gornfel'd A.G. Poehtika. // Ehnciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. SPb., 1890–1907. Т. 48 (24А). S. 837–844.

3. Veselovskij A.N. Istoriya ili teoriya romana? // Veselovskij A.N. Izbrannye stat'i. L., 1939. S. 3–22.

4. Aksakov K.S. Neskol'ko slov o poehme Gogolya: Pohozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi // K.S. Aksakov, I.S. Aksakov. Literaturnaya kritika. M., 1982. 384 s.

5. Belinskij V.G. Neskol'ko slov o poehme Gogolya: Pohozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi // V.G. Belinskij. Polnoe sobranie sochinenij: V 12 t. SPb., 1904. Т. 7. «Otechestvennye zapiski» 1842 goda. S. 286–292.

6. Averincev S.S. Dobryj Plutarh rasskazyvaet o geroyah, ili Schastlivyj brak biograficheskogo zhanra i moral'noj filosofii // Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya v dvuh tomah. M., 1994. Т. 1. S. 637–653.

12. Радциг С.И. История древнегреческой литературы: Учебник. 5-е изд. М.: Высш. школа, 1982. 488 с.

13. Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т. Пер. с древнегр. / Сост. и прим. М. Томашевской. М.:

Правда, 1987. Т. 2. 608 с.

14. Тронский И.М. История античной литературы: Учебник для ун-тов и пед. ин-тов; 5-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1988. 464 с.

15. Тронский И.М. История античной литературы. Л.: Учпедгиз, 1946. 496 с.

16. Холиков А. Писательская биография: жанр без правил // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 41–62.

17. Ефремов И.А. От автора // И.А. Ефремов. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1989. Т. 5. Кн. 3. Таис Афинская. С. 5–12.

18. Ефремов И.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Кн. 3. Таис Афинская. М., 1989. 494 с., с ил.

19. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://simposium.ru/node/863> (дата обращения: 11.04.2015).

20. Арриан. Поход Александра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/arrian/03.html> (дата обращения: 11.04.2015).

7. Mandel'shtam O.Eh. Konec romana // O.Eh. Mandel'shtam. Sochineniya: V 2 t. / Sost. S. Averincev i P. Nerler; Komment. P. Nerlera. M., 1990. Т. 2. Proza. S. 201–205.

8. Dilite D. Antichnaya literatura. M.: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 2003. 488 s.

9. Shamshin L.B. Biografiya [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/057.htm> (data obrashcheniya: 11.04.2015).

10. Averincev S.S. Plutarh i antichnaya biografiya. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra. M.: Nauka, 1973. 280 s.

11. Vinokur G.O. Biografiya i kul'tura // Biografiya i kul'tura. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie. M., 1997. S. 17–88.

12. Radcig S.I. Istoriya drevnegrecheskoj literatury: Uchebnik. 5-e izd. M.: Vyssh. shkola, 1982. 488 s.

13. Plutarh. Izbrannye zhizneopisaniya. V 2 t. Per. s drevnegr. / Sost. i prim. M. Tomashevskoj. M.: Pravda, 1987. Т. 2. 608 s.

14. Tronskij I.M. Istoriya antichnoj literatury: Uchebnik dlya un-tov i ped. in-tov; 5-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 1988. 464 s.

THE IMPACT OF THE ANTIQUE BIOGRAPHY GENRE ON THE NOVEL'S RISE AND DEVELOPMENT

E.K. Agapitova

The purpose of this work is to reveal the influence of the tradition of antique biographic literature, especially the works of Plutarch, the classic of the genre and the founder of modern understanding of biography, on the emergence and development of the novel genre. By using the comparative and textual method, we come to the conclusion that the antique biography, as represented by Plutarch, had a significant influence on the genre of the novel. This concerns not only its historical and biographic versions, where it is more noticeable. Since Alexander the Great was the favorite hero of biographies (both surviving and those that have not reached us), we have chosen as an example Ivan Efremov's novel «Tais of Athens», which was based on an episode from the life of Alexander the Great confirmed by ancient historians.

Keywords: genre, novel, biography, Plutarch, Ivan Efremov, Alexander the Great.

15. Tronskij I.M. Istoriya antichnoj literatury. L.: Uchpedgiz, 1946. 496 s.
16. Holikov A. Pisatel'skaya biografiya: zhanr bez pravil // Voprosy literatury. 2008. № 6. S. 41–62.
17. Efremov I.A. Ot avtora // I.A. Efremov. Sobranie sochinenij: V 5 t. M., 1989. T. 5. Kn. 3. Tais Afinskaya. S. 5–12.
18. Efremov I.A. Sobranie sochinenij: V 5 t. T. 5. Kn. 3. Tais Afinskaya. M., 1989. 494 s., s il.
19. Diodor Sicilijskij. Istoricheskaya biblioteka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://simposium.ru/node/863> (data obrashcheniya: 11.04.2015).
20. Arrian. Pohod Aleksandra [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/h/arrian/03.html> (data obrashcheniya: 11.04.2015).